№ 8 (12)

ISSN 1829-4820

Филиал МГУ имени М.В.Ломоносова
в г. Ереване

Журнал входит в список
периодических изданий ВАК РА

ՌՈՒՍԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԱՐԴԻ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐՆԵՐԸ

Գիտամեթոդական հանդես

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКИ

Научно-методический журнал

MAIN ISSUES IN MODERN RUSSIAN STUDIES

Scientific Methodological Journal

ЕРЕВАН 2021

Երևան քաղաքում Մոսկվայի Մ.Վ. Լոմոնոսովի անվան պետական համալսարանի մասնաճյուղ

Филиал Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Ереване

M. Lomonosov Moscow State University, Yerevan branch

ՌՈՒՍԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԱՐԴԻ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐՆԵՐԸ

Գիտամեթոդական հանդես

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКИ

Научно-методический журнал

MAIN ISSUES IN MODERN RUSSIAN STUDIES

Scientific Methodological Journal

8 (12)

ԵՐԵՎԱՆ 2021
ЕРЕВАН 2021
YEREVAN 2021

Երաշխավորվել է տպագրության Երևան քաղաքում Մոսկվայի Մ.Վ.Լոմոնոսովի անվան պետական համալսարանի մասնաճյուղի գիտական խորհրդի կողմից

Печатается по решению Ученого совета филиала Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Ереване

Reprinted by decision of the Academic Council of the branch of the Moscow State University M.V. Lomonosov in Yerevan

«ՌՈՒՍԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԱՐԴԻ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐՆԵՐԸ» գիտամեթոդական հանդեսի առաքելությունը ՀՀ-ում ռուսագիտության՝ որպես լեզվաբանության ճյուղի մասսայականացումն է, ռուսաց լեզվի ուսումնասիրման նկատմամբ հետաքրքրություն առաջացնելը, օտարերկրյա հետազոտողների ուշադրությունը հայ գիտնականների մշակումներին հրավիրելը, դրանով իսկ հայ ռուսագիտության մասսայականացումն է, համատեղ ծրագրերի, դրամաշնորհների մշակման հնարավորության ընձեռումը, մագիստրոսների ներգրավումը հետազոտական աշխատանքներին:

Назначение научно-методического журнала «**ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКИ**» рассматривается нами в ракурсе популяризации в РА русистики как отрасли языкознания, привлечения интереса к изучению русского языка, привлечения внимания зарубежных исследователей к разработкам армянских ученых и тем самым популяризации армянской русистики, возможности разработки совместных проектов, грантов и пр., привлечения магистрантов к научно-исследовательской работе.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКИ // Научно-методический журнал, №8 (12). / Глав. ред. Саркисян И.Р.; сост.: Акопян А.С. – Ереван: Изд-во МГУ, 2021. – 242 с.

ISSN 1829-4820

Журнал входит в список периодических изданий ***ВАК РА***

ORCID: 0000-0001-9263-6791

© *Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Ереване*

Հասցե՝ ՀՀ, Երևան, Վարդանանց 17, հեռ՝ (+37411) 900 110 – 101, 102:
Наш адрес: РА, г. Ереван, ул. Вардананц 17; тел. (+37411) 900 110 – 101, 102.
Address: Vardanants St. 17, Yerevan, RA; tel.: (+37411) 900 110 – 101, 102.
Էլեկտրոնային փոստ՝ (электронная почта) e-mail: po@msu.am

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

НАСЛАЖДЕНИЕ КАК АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА В РОМАНЕ ЭЛИЗАБЕТ ГИЛБЕРТ «ЕСТЬ, МОЛИТЬСЯ, ЛЮБИТЬ»

Гаяне Виуловна Егиазарян
gyeghiazaryan@hotmail.com

Д.ф.н., профессор, зав. кафедрой английского языка Государственного университета им. В. Брюсова, Ереван, Республика Армения

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу «удовольствия» как ценности в произведении «Есть, молиться, любить» известной американской писательницы конца XX – начала XXI веков Элизабет Гилберт. В статье поставлена цель определить характерные для американской писательницы концепции мировосприятия и изображаемой художественной картины мира, присущие ей сюжетные и тематические конструкции, рассмотреть своеобразие ценностных констант в ее произведении, определить художественно-аксиологическое своеобразие данного автора на фоне переосмысления роли женщины в современном обществе и важности ее влияния на художественное изображение мира, а также предложить новые пути его прочтения и интерпретации ее творчества, как своеобразного явления, характеризующего присущий этой эпохе мировоззренческий, эстетический и художественный модус.

Ключевые слова: ценностная система, аксиология, культура, Италия, ничегонеделание.

Элизабет Гилберт родилась в 1969 в Уотерсбери (Коннектикут, США) в небольшой семье с христианскими традициями. Окончив Нью-Йоркский

университет, где днем изучала политологию, а ночами писала короткие рассказы, она несколько лет путешествовала по стране, работала в кафе, набираясь жизненного опыта, который впоследствии отразился в ее прозе.

Наиболее известным произведением Э. Гилберт является ее автобиографический роман «Есть, Молиться, Любить» («Eat, Pray, Love») опубликованный в 2006 году и ставший настолько популярным, что журнал *Time* назвал автора одним из 100 наиболее влиятельных людей мира.

Сегодня роман «Есть, молиться, любить», отметивший свое десятилетие, достиг тиража, превосходящего десять миллионов, и имеет многомиллионную читательскую аудиторию в разных странах, вдохновляяя и привлекая множество читателей «вкусными» и приятными приключениями, духовностью женского поиска, завораживающей проникновенностью и радостями любви.

До опубликования романа «Есть, молиться, любить» Гилберт была известна в читательских кругах как писательница, пишущая в основном о мужчинах и для мужчин. Ей часто говорили, что она пишет как мужчина, и она с удовлетворением воспринимала это как комплимент. Она была так поглощена анализом загадочности превосходства мужчины, что совершенно забыла о своих женских стремлениях и желаниях. Однако в возрасте тридцати лет Элизабет переживает мощную волну депрессии, расшатывается ее здоровье, затем рушится брак. Автобиографический роман «Есть, Молиться, Любить», 2006 года – это стремление героини вновь обрести счастье и саму себя в лабиринте поисков истины и смысла жизни. Гилберт провела четыре года в Италии, знакомясь в Риме с искусством наслаждения, наслаждением от местной еды («Есть»), четыре месяца в Индии, в поисках духовных ценностей и изучении дара посвящения («Молиться»), а оставшуюся часть года она проводит в Индонезии, на Бали, где ей удается определить разницу между земными наслаждениями и духовными ценностями, оценить путь к поиску равновесия и, наконец, наито любовь своей жизни («Любить»).

Воспоминания Гилберт состоят из трех частей, каждая из которых – из 36 коротких зарисовок, что соответствует 108 *japa malas* – бусинам индийского традиционного молитвенного ожерелья. В восточной философии число 108 считается сакральным, поскольку является произведением числа три, ко-

торое обозначающее Святую Троицу – символ абсолютного равновесия. Автор признает: «*Так как моя книга посвящена попыткам найти равновесие, я решила организовать ее по типу джапа-мала. В ней сто восемь глав, или бусин. Цепочка из ста восьми историй делится на три больших раздела, посвященных Италии, Индии и Индонезии, – ведь именно в эти три страны меня завел поиск собственного*» [4: 1–3].

Каждая *japa mala* имеет дополнительную, 109-ю бусину, имеющую высокое предназначение: «*Когда во время молитвы пальцы доходят до этой бусины, отличной от остальных, следует прервать глубокую медитацию и вознести благодарность духовным учителям*». Элизабет Гилберт придает чрезвычайно важное значение этому посылу восточной мысли, который становится одним из основных положений ее жизненной философии.

Жизненная философия писательницы отражается в своеобразии хронотопа ее произведения – его пространственно-временной непрерывности. Хронотоп романа, в частности описание различных топосов, достигает уровня философского восприятия и, по Бахтину, временные и пространственные взаимосвязи всегда обладают эмоционально-ценностной интенсивностью [1: 234–407].

Гилберт расширяет спектр особенностей жанра путевых заметок, создавая многокомпонентный топос дороги, отражающий сочетание различных культур, разных систем ценностей и авторского восприятия. В романе Гилберт топос дороги связан с тем пространством, куда ведет эта дорога, и представляется как перекресток, откуда берет начало «новая» жизнь автора и где рождаются ее новая жизненная философия и система ценностей. Описывая в своем романе эти различные пространственные топосы, Гилберт представляет противоположные полюса оценок, связанных с личным восприятием оппозиции «свое-чужое», поднимая ее значение до уровня аксиологической рефлексии.

Отъезд Гилберта из дома означает завершение старого и создание нового хронологического периода. Время для писатьницы остановилось, когда она развелась, но когда она отправляется в путешествие, события ее жизни начинают развиваться в быстром ритме. Ряд сменяющихся пространственно-временных пластов отражает новые этапы ее жизни.

Время в романе представлено последовательностью событий, циклов жизни, причем семантика этих этапов, отражающих стадии не только жизни автора, но и осмысления ею различных ценностей, отражена в заглавиях глав и аннотациях к ним.

Первая страна, куда отправляется автор – Италия. Выбор этой страны для познания искусства наслаждения нам кажется неслучайным: подавленная, духовно опустошенная американка отправляется в Италию, страну наслаждений и праздников, чтобы вновь обрести себя и освободиться от бремени отчаяния.

Каждое общество вырабатывает собственную аксиологическую систему, которая, включая общечеловеческие ценности, в то же время отличается неповторимостью и национальным своеобразием. Так, в Италии к категории высших ценностей относится наслаждение. Виды и источники наслаждений у разных людей различны. Отсюда и относительность этики [13]: Ценностные категории могут объединять различные временные модусы, различные области человеческой жизнедеятельности, оценочные критерии, сложные системы жизненной ориентации, переосмысленные аксиологические значения [5].

В рамках данной статьи мы обратимся к анализу первой части романа, посвященной описанию пребывания героини-американки в Италии и ее размышлениям о различиях в восприятии культурно-аксиологических единиц.

Понятие **наслаждения** по-разному определяется философами и писателями. Однако, несмотря на различие эпох, цивилизаций и культур, определения эти мало отличаются друг от друга. В самых разных словарях *наслаждение* характеризуется как положительное ощущение – *удовольствие, удовлетворение, радость* – возникающее благодаря разным импульсам и по разным причинам. Наслаждение может трактоваться и как любовь, пир, праздник, обед. Интересно отметить, что еще в 1865 году словарь *Haykazean lezui*, изданный в Венеции, дает слову «наслаждение» единственное объяснение – пир, и только во втором значении – сексуальное, чувственное удовлетворение [7: 461]. Гартман в своей ценностной классификации выделяет «ценности наслаждения» [6: 477], а Мишель Монтень утверждает, что «Все в этом мире твердо убеждены, что наша конечная цель – удовольствие, и спор идет

лишь о том, каким образом достигнуть его…» [9: 109–110]. Он восхваляет естественные блага свободной жизни, полет мысли, мирские радости.

По мнению Г. Хофстеде, измерение наслаждение/сдержанность определяет в какой мере общество «позволяет относительно свободное удовлетворение основных и естественных человеческих побуждений, связанных с наслаждением жизнью и получением удовольствия». Подобное общество противопоставляется тому, которое подавляет удовлетворение таких потребностей и регулирует его с помощью строгих социальных норм.» [10].

Дихотомия «наслаждение/страдание» выделяется и Гартманом в ценностном ряду «приятное/неприятное» его четырехступенчатой ценностной иерархии [3].

Импульсы, вызывающие ***наслаждение*** многообразны – искусство, музыка, чтение, эмоциональные переживания и т.д. попробуем представить, какие компоненты включает «наслаждение» в представлении независимой и самодостаточной американки XXI века Элизабет Гилберт. Она выбирает Италию, потому что ей доставляет наслаждение изучение итальянского языка. Она встречает Лучано Спагетти, который становится ее другом и приобщает к искусству ничегонеделания. Она поправляется на 23 фунта, однако итальянская еда – это наслаждение, которое оправдывает даже увеличение веса.

Итак, поездка в Италию позволяет определить гилбертовское представление о наслаждении, которое мы сформулируем следующим образом: *наслаждение,* которое Лиз получает от Италии, Рима и его людей, *наслаждение*, которое дает итальянская еда, *наслаждение* от процесса освоения итальянского языка, *наслаждение* – от ничегонеделания. Мы не случайно выделяем тему наслаждения: на страницах, где автор говорит о Риме, его людях, уроках итальянского языка, итальянской еде и ничегонеделании – слова *наслаждение, удовольствие, удовлетворение* повторяются десятки раз.

Рим – это город, само нахождение в котором уже наслаждение: *«В Европе сейчас идет мощная борьба. Сразу несколько городов воюют за звание величайшей европейской столицы двадцать первого века. Будет ли это Париж? Лондон? Берлин? Цюрих? А может, Брюссель, столица нового Евросоюза? Все они стараются перещеголять друг друга в культуре, архитектуре, политике, финансах. Но Риму нет дела до этой погони за статусом.*

Рим не участвует в гонках. Он лишь наблюдает за суетой и дерзаниями со стороны, абсолютно невозмутимый, словно хочет сказать: «Что бы вы ни делали, Рим всегда будет Римом». Меня бесконечно вдохновляет царственная уверенность этого города – такого целостного, крепко стоящего на ногах, удивленно взирающего на мир с монументальной высоты, понимающего, что история надежно укрывает его своей сенью». И Лиз признается: «*В старости мне бы хотелось стать похожей на Рим*» [4: 95–96].

Поначалу американке из пуританской семьи было трудно оправдать тот факт, что она отправилась в Италию ради удовольствий. Она искренне признает, что «чистое наслаждения не является частью ее культурной парадигмы», поскольку она воспитана «сверх добродетельными» и «сверхпорядочными» родителями. Мать ее происходила из фермерской семьи шведских иммигрантов, которые «*на всех фотографиях выглядят так, будто доведись им увидеть что приятное – не поколебались бы раздавить это своими грубыми башмаками.*»: Отец происходил из семьи англичан пуританского вероисповедания, и как пишет Гилберт: «*Если проследить папино генеалогическое древо до семнадцатого века, там найдутся родственнички с именами типа Усердие и Смирение*» [4: 81–82]. Пуританское воспитание Элизабет и ее сестры основывалось на ответственности, трудолюбии и сдержанности, и теперь, находясь в Италии, она постоянно испытывает чувство вины – достойна ли она подобных наслаждений, заслужила ли она их. Однако когда итальянцы позволили ей свободно изучать «вопрос» удовольствия, все стало … *«вкусным».* По словам автора, счастье стало жить в каждой клетке ее тела. Итальянский язык доставлял ей почти чувственное наслаждение.

Гилберт признается, что много лет трудилась как прилежный солдат, работала, писала, всегда укладывалась во времени, заботилась о близких, следила за здоровьем десен, регулярно платила налоги, голосовала и т.д. Но в то же время она задается вопросом: «*Неужели вся наша жизнь – это всего лишь обязанности? Неужели в эту темную пору неудач, когда я чувствую, что лишь изучение итальянского способно принести мне радость, мне нужно какое-то иное оправдание?*». Она любит этот язык: «*В нем каждое слово было как пение соловья, как волшебное заклинание, как тающая во рту конфета. Ни одному европейскому языку не свойственна такая поэтичность. И*

ни один из них не может быть более идеальным средством выражения человеческих эмоций, как итальянский, язык Данте. Уже произнося эти слова вслух, я чувствовала себя желанной и счастливой. Адвокат по разводам говорила, что беспокоиться нечего; у нее была клиентка из Кореи, которая после ужасного развода сменила имя на итальянское, чтобы снова почувствовать себя желанной и счастливой» [4: 58–59].

Интересно отметить, что один из героев романа «Ветви и листья» армянской писательницы А. Ованнисян, итальянец Лукино, в свою очередь, прославляет армянский язык: «Мне кажется, что армянский язык очень близок музыке Бетховена. Только она может выразить все нюансы армянского, от самых нежных до самых бурных» [8: 40]. Лукино утверждает, что, если бы итальянец услышал армянский, он бы согласился с его мнением.

Следующий стимул наслаждения для Гилберт – **итальянская еда**. Хотя поэта-романтика Шелли ужасало, что «высокопоставленные молодые итальянки едят чеснок», Лиз в первый же день своего пребывания в Италии пробует итальянскую пасту со шпинатом и чесноком, артишоки, цуккини и сыр, телятину, белый хлеб с оливкововым маслом и солью, а на десерт – тирамису и красное вино, и возвращается домой довольная и с первыми признаками чувства удовлетворения. Это неиссякаемый источник наслаждения и всего, что ей нужно. И даже тот факт, что, как пишут итальянские газеты, единственный способ борьбы с чревоугодием и ожирением в Италии, – это платить налоги, это не огорчает Лиз. Опасение, что после нескольких месяцев подобного питания придут и за ней, она оправдывает получаемым наслаждением.

Источником наслаждения является и **ничегонеделание**. Лиз восхищается Италией, Римом и римлянами, которые наслаждаются безделием. Американцы же не способны расслабляться до степени наслаждения, они ищут развлечений, а не удовольствий: «Они тратят миллиарды долларов, чтобы придумать себе занятие, – будь то порнография, парки аттракционов или война, но все это не имеет ничего общего с тем, чтобы просто спокойно наслаждаться жизнью. Американцы работают усерднее, больше и напряженнее любой другой нации на планете. Но ... им это, похоже, по вкусу. <…> Американцы не умеют бездельничать» [4: 62].

Итальянцы совершенно отличаются от американцев – они «мастера безделья и наслаждаются его прелестью». Красота безделья – главная цель итальянца, конечный результат, добившись которого он заслуживает поздравлений. Чем прекраснее и деликатнее они бездельничают, тем большего они достигают. Быть богатым при этом вовсе не обязательно. Есть итальянское выражение: «искусство создавать что-то из ничего», праздник – из ничего не значащей мелочи. В то время как для Лиз стремление к наслаждению представляется в виде домашнего задания или некой научной программы, итальянцы проводят день, размышляя о том, что сделать, чтобы получить наслаждение, более того, что делать, чтобы ничего не делать. Когда Лиз говорит Люку, что парни, которые околачиваются в грязных тесных забегаловках на римских задворках, в *первую очередь считают себя римлянами, во вторую – итальянцами и уж в третью – европейцами,* Люк отвечает: *«Нет, они римляне и в первую, и во вторую, и в третью очередь. Причем каждый из них – римский император*» [4: 60].

В Италии так много способов выражения наслаждения, что Гилберт затрудняется их классифицировать. Надо просто рассматривать *наслаждение* как высший факт, иначе вы будете чувствовать себя подавленным. Автор сознается, что даже не хочет и не посещает театр или оперу, музей или другой очаг культуры. Она просто хочет говорить на красивом итальянском и есть красивую еду, особенно сладости и желе.

Что касается телесных удовольствий, то здесь Лиз берет паузу. Она не хочет заводить романов, и это имеет свое объяснение: «*Когда мне становится одиноко, я говорю себе: ну и пусть, Лиз, побудь немного в одиночестве <...> Радуйся новому опыту. Но никогда, никогда больше не используй другого человека физически и эмоционально, наваливая на него груз своей неудовлетворенности*» [4: 63].

Следует отметить, что наслаждение свободой у Лиз сопровождается одиночеством, которого она смертельно боится. Одиночество, неизбежный спутник человека, представляется еще одной «ценностью» американской аксиологической парадигмы: «*Они подходят молча, угрожающе, как тайные агенты, и обступают меня с двух сторон – Депрессия слева, Одиночество справа. Им даже не надо показывать значки. Я и так хорошо знаю этих ребят. Долгие*

годы играла с ними в кошки-мышки. Хотя, признаюсь, для меня неожиданность встретить их в живописном саду в Италии, на закате. Им тут совсем не место. <…> Меня обыскивают. Вытряхивают из карманов радость, которой они были набиты» [4: 61]. Далее они допрашивают Лиз о том, почему она проводит свой отпуск в Италии, так безжалостно испортив свою жизнь. И как бы Лиз ни старалась их не впускать в свою квартиру, они все же входят: «*Депрессия всего лишь мрачно улыбается, садится в мое любимое кресло, кладет ноги на стол и закуривает сигару, наполняя всю комнату вонючим дымом. Глядя на нее, Одиночество вздыхает и ложится в мою постель, натягивая одеяло с головой – не раздеваясь, в ботинках. И я понимаю, что сегодня мне снова придется спать в его компании*» [4: 62].

Здесь используется прием антитезы: одиночеству и депрессии противопоставляется наслаждение. Введением стилистического приема персонификации, автор придает своему одиночеству образность и предметность. Какие бы полноценные наслаждения ни предлагала Италия, американский менталитет не «сдается» и не позволяет полностью расслабиться. Тем не менее, после года путешествий ценностная парадигма автора меняется: систему тех основательных и вечных ценностей, которые становятся «собственностью» автора и которые она готова хранить всю жизнь, символизирует введенный в роман образ дуба.

Одной из важнейших принципов аксиологической концепции М. Бахтина является положение о том, что культура – явление антропологическое, и без человека, воспринимающего культуру и вступающего с ней в диалог – культура существовать не может: «Всякая общезначимая ценность становится действительно значимой только в индивидуальном контексте <...> Все содержательно-смысловое: бытие – как некоторая содержательная определенность, ценность – как в себе значимая, истина, добро, красота и пр. – все это только возможности, которые могут стать действительностью только в поступке на основе признания единственной причастности моей» [2]. Теорию Бахтина о диалоге культур применительно к современности развивает Гиденс, отмечая, что этика, сформированная в условиях современной глобальной модернизации, акцентирует императивы времени и позволяет представителям различных культур учиться друг у друга [11]. Подтверждением этой

идеи является и изменение аксиологической парагигмы в сознании Элизабет Гилберт, которая открывает для себя важность ценностей, дающих человеку счастье, здоровье и душевное равновесие. Гилберт изображает и обнажает несовершенство мира, отклонение от норм, что в то же время дает возможность в более ясной перспективе познать и оценить эти нормы. Сравнивая культуры стран, которые посещает героиня, с собственной идентичностью, автор «берет и делает своими» «чужие» явления, оценивает важные для «других» ценностные и поведенческие модели и «помещает их» в свою новую картину мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Изд-во Художественная литература, 1975. – СС. 234–407 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/bakhtin_hronotop/hronmain.html (Дата обращения: 10.09.2021г.).
2. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений в 7-и тт. Том 1. Философская эстетика 1920-х годов. – Калуга: Тип. ГУП Облиздат, 2003. – 961 с. / Ч. I. Искусство и ответственность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fedy-diary.ru/html/122010/04122010-02a.html (Дата обращения: 10.09.2021г.).
3. *Гартман Н.* Этика / Пер. с нем. А.Б. Глаголева; под ред. Ю.С. Медведева и Д.В. Скляднева. – СПб. : Фонд Университет: Владимир Даль, 2002 (Акад. тип. Наука РАН). – 707 с.
4. *Гилберт Э.* Есть, молиться, любить. – М.: Рипол-Классик, 2016.
5. Психология: Словарь / [Абраменкова В.В. и др.]; Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – 2-е изд-е, испр. и доп. – М.: Политиздат, 1990. – 494, [1] с.
6. Этика: Энциклопедический словарь. 2001. Гартман (Hartmann) Николай. // Словарь по этике / Под ред. И. Кона, 1981. – 430 с.
7. Առձեռն բառարան: Հայկազնեան լեզուի, 3-րդ տպագրություն, Վենետիկ, Սուրբ Ղազար, 1865.

8. *Հովհաննիսյան Ա.* Ճյուղեր-տերևներ: Պատառիկներ մեր փուչ կյանքից: – Ե., Նաիրի հրատ., 2009.
9. *Մոնտեն Մ.* Արժանավայել ապրելու արվեստի մասին: Փիլ. Ակնարկներ: – Ե., Արևիկ, 1989:
10. Examples of Cultural Dimensions // American Speech-Language-Hearing Association. – URL: http://www.asha.org/Practice-Portal/Professional-Issues/Cultural-Competence/Examples-of-Cultural-Dimensions/ (Accessed: 10.09.2021).
11. *Giddens A.* «Living in a Post-Traditional Society». In Ulrich Beck, Anthony Giddens, Scott Lash, Reflexive Modernization: Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order. Palo Alto, CA. Stanford University Press. 1995.
13. *Gilbert E.* Eat, Pray, Love. Penguin Books International Edition. USA. 2007.
13. *Lindsey Scott.* What Are Morals, Values & Beliefs? Collins Thesaurus of the English Language – Complete and Unabridged 2nd Edition. 2002 © HarperCollins Publishers 1995, 2002.

ՀԱՃՈՒՅՔԸ՝ ՈՐՊԵՍ ԱՐԺԵՔԱԲԱՆԱԿԱՆ ՄԻԱՎՈՐ ԷԼԻԶԱԲԵԹ ԳԻԼԲԵՐՏԻ «ՈՒՏԵԼ, ԱՂՈԹԵԼ, ՍԻՐԵԼ» ՎԵՊՈՒՄ

Գ.Վ. Եղիազարյան
gyeghiazaryan@hotmail.com

Բ.գ.դ., պրոֆեսոր,
Վ. Բրյուսովի անվան պետական համալսարանի անգլերենի ամբիոնի վարիչ,
Երևան, Հայաստանի Հանրապետություն

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածը վերաբերում է «հաճույքի» արժեքաբանական վերլուծությանը XX դ. վերջերի և XXI-ի ամենասկզբի ամերիկյան հայտնի գրող Էլիզաբեթ Գիլբերտի՝ «Ուտել,

աղոթել, սիրել» ստեղծագործությունում: Նպատակ է դրվել բացահայտել ամերիկյան գրողին բնորոշ աշխարհընկալման հասկացությունները, ինչպես նաև նրա ստեղծագործությանը բնորոշ սյուժետային և թեմատիկ կառուցվածքները: Մենք դիտարկել ենք նաև ստեղծագործության մեջ արժեքային կոնստանտների առանձնահատկությունները, սահմանել նրա գեղարվեստա-արժեքաբանական յուրահատկությունը ժամանակակից հասարակության մեջ՝ կնոջ դերի վերաիմաստավորման, ինչպես նաև աշխարհի գեղարվեստական պատկերի վրա նրա ազդեցության կարևորության ֆոնի ներքո: Փորձ է կատարվել և առաջարկվել է նոր ուղիներ՝ նրա ստեղծագործությունն ընթերցելու և մեկնաբանելու ասպարեզում, որպես այդ դարաշրջանին բնորոշ աշխարհայացքային, գեղագիտական և գեղարվեստական մոդուս:
Բանալի բառեր՝ արժեքային համակարգ, արժեքաբանություն, մշակույթ, Իտալիա, ոչինչ չանելը:

PLEASURE AS AN AXIOLOGICAL UNIT IN «EAT, PRAY, LOVE» BY ELIZABETH GILBERT

G. Yeghiazaryan
gyeghiazaryan@hotmail.com

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Department of English,
Brusov State University
Yerevan, Republic of Armenia

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis of «pleasure» as a value, in the novel «Eat, Pray, Love» by the late 20th and early 21st

century American writer Elizabeth Gilbert. The relevance of the research is due to the need for a multivectoral analysis of the proliferation of value orientations in women writers' works. The analysis of the novel «Eat, Pray, Love» by Elizabeth Gilbert has an objective to determine the perception of the artistic picture of the world by an American writer, examine the peculiarities of the personal value constants in her work thus reinterpreting the role of women in modern society and the importance of their influence on the artistic depiction of the world, suggest new ways of reading and interpreting the text, analyzing it as a unique phenomenon characterizing the world-view, aesthetic and artistic mode inherent in the era.

Keywords: value system, axiology, culture, Italy, pleasure, idleness.

Информация о статье:
статья поступила в редакцию 16 сентября 2021 г.,
подписана к печати в номер 8 (12) / 2021 – 29.11.2021 г.